

Ю. Т. ЛЕЙБЕНСОН

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ
В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(по материалам эпиграфических памятников)**

Из многочисленных «вечных вопросов», которыми человечество будет задаваться независимо от исторической эпохи, вопрос о смерти является, безусловно, важным. В отличие от многих других проблем философского порядка (как, например, вопрос о первопричине мира), он не может интересовать только небольшую группу философов и ученых. Вопрос о смерти касается непосредственно каждого человека. Но если человек задает себе этот вопрос независимо от общества и эпохи, то ответ все же будет зависеть от культурно-исторического контекста, в частности, от мифологических, религиозных или философских представлений того или иного периода. В отношении к смерти как к феномену, во взгляде на посмертную участь, словом, во всех тех представлениях, которые принято называть малой эсхатологией, зачастую отражаются и многие другие представления: о смысле и цели человеческой жизни, об индивидуальной ценности ее, об устройстве мира. Отношение к смерти и посмертию, таким образом, выступает в качестве квинтэссенции философской и религиозной мысли эпохи. Именно поэтому представляется важным обращение к данному вопросу в ходе изучения духовной жизни античных государств Северного Причерноморья. Здесь, прежде всего, интересна взаимосвязь с идеями метрополий и других античных центров, а также отражение представлений о смерти в известных нам памятниках.

К проблеме эволюции взглядов на посмертную участь в античности обращались многие исследователи. Прекрасно описаны изменения в общегреческой религии и философии [Зелинский 1918; Зелинский 1922], освящен ряд вопросов, относящихся непосредственно к Северному Причерноморью [Диатроптов 2001; Свенцицкая 2003; Русяева 2005]. Данная же работа имеет целью выяснить, как эта эволюция отражалась в конкретной группе памятников — надгробных эпитафиях, известных во всех крупных центрах Северного Причерноморья; как содержание эпитафий соотносится с дру-

гими надгробными памятниками и с античной культурной традицией в целом.

Отношение эллинов к смерти и посмертному существованию менялось на протяжении всей античной истории. Известно, что в эпоху архаики посмертие представлялось как существование в сумеречном царстве Аида. Греческая мифология знает и достаточно подробную топографию царства мертвых, и множество правил, связанных с «правильным» вхождением в Аид (как, например, традиционный «обол Харона»). В «Одиссее» говорится, что души умерших лишены памяти, и тень Ахиллеса, вызванная Одиссеем, говорит, что лучше быть последним поденщиком на земле, чем властвовать над мертвыми в Аиде [Од. XII: 488–491]. Подобное отношение к смерти не оставляло человеку надежды на достойное посмертное существование, зато заставляло его реализовывать себя в краткий период земной жизни, занимаясь, в первую очередь, общественными делами. Следует отметить, что в классический период такое неутешительное отношение к смерти оставалось господствующим, но уже наметились пути иного разрешения проблемы.

Пифагор учил, что вечная душа переселяется с небес в брэнное тело человека или животного и претерпевает ряд переселений, пока не заслужит права вернуться обратно на небеса, в некое божественное состояние [Жмудь 1990: 37]. Платон также говорил о возможном метемпсихозе, который ожидает неочистившиеся души; только душа истинного философа может «перейти в род богов» [Платон 1994: 316]. Подобные идеи развивали относительно немногочисленные последователи этих философов, и, хотя их вклад в развитие античной философии трудно переоценить, мысль о приобщении к богам не была широко распространена. В классический же период появляется тенденция к героизации отдельных умерших. Это выражается в определенном типе памятников, которые устанавливались прежде всего на могилах аристократов.

Ситуация меняется в эллинистическое время. Кризис полиса, распространение монархической

формы правления заставляют общество искать новые формы и идеи, как в политической, так и в культурной, и в психологической сферах. Теперь, когда общественная жизнь и степень влияния на политическую ситуацию рядового гражданина античного полиса ограничена или сводится к нулю, вполне естественно, что сфера основных интересов человека перемещается к вопросам частной жизни. Это выражается в самых разных формах, в частности, в повышенном интересе к посмертной участи человека. Теперь религиозное сознание эллина не может смириться с безрадостной перспективой бродить бесплотной тенью в Аиде. И если раньше в Элизии или в сонме богов на Островах Блаженных обитали только отдельные лица: полубоги, великие воины или отцы полиса, то в эллинистический период героями, достойными такой загробной жизни, становятся все умершие. Конечно, теперь почитание героизированных умерших не выходит за рамки отдельной семьи, но оно имеет важное значение. Почивший родственник в представлении домочадцев не только удостаивается блаженной участи, но и может оказать влияние на судьбу потомков. Именно поэтому массовыми становятся такие формы надгробий, как герооны, эдикулы, наиски. Как божество обитает в своем храме, так душа героя — в своей гробнице. Героизация умерших пережила эллинизм. «В римское время слово *герой* стало практически синонимом слова *покойник*» [Диатроптов 2001: 6]. Интересна также формула, часто встречающаяся в римских эпитафиях: «Богам Манам». Так обращались к душам мертвых, от которых живые родственники ждали покровительства в житейских делах [Соломоник 1983: 44]. Вместе с тем получают развитие и другие представления, также возникшие в эллинистический период: например, представление о предопределении, связанное с астрологией (так, длительность человеческой жизни определялась положением светил при его рождении) [Соломоник 1973: 216]. Подобные взгляды оставались господствующими до конца античности и сменились христианским учением о посмертном существовании души.

Эволюцию взглядов на посмертное бытие в Северном Причерноморье отражают различные группы памятников: надгробия, антропоморфные скульптуры, саркофаги, росписи склепов. Нас же будет в первую очередь интересовать содержание эпитафий. Надгробные эпитафии хорошо известны в северопричерноморских полисах, они присутствуют в разное время на значительной территории, а потому могут считаться массовым

материалом. Особенность эпитафий не только в том, что они отражают верования, традиции и культурные связи, но и в том, что их содержание зачастую зависит от взглядов и убеждений сочинителя. Принимая эту особенность во внимание, заметим, что она не является препятствием для исследования, поскольку убеждения автора эпитафии формируются в контексте той или иной культурно-исторической парадигмы.

Прежде всего, следует обратиться к эпитафиям, происходящим из Ольвии. Расцвет культуры этого полиса приходится на классический период. Ольвия находилась в окружении варварских племен, но, тем не менее, сохраняла тесные связи с греческими центрами. Следовательно, ее надгробные памятники отражают представления о загробной жизни, характерные для античного мира в целом. Что касается ольвийских эпитафий V — начала IV в. до н.э., они в основном лаконичны и содержат либо исключительно имя и отчество усопшего [Надписи Ольвии: 96–97], либо прощание с умершим. Исключение — надпись на мраморной стеле V в. до н.э.: «Памятник доблести, я говорю, что вдали, за отчизну/Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс» [Папанова 2006: 131]. Исключение это не случайно, так как отражает процесс героизации наиболее выдающихся граждан. Рельеф, сохранившийся на стеле, также об этом свидетельствует: на одной стороне памятника высечен стоящий юноша с копьем, на другой — фигура, стоящая в профиль в восточной одежде с горитом у левого бедра и со стрелой в руках. В пользу героизации отдельных граждан (прежде всего аристократов) говорят и находки надгробных мраморных скульптур, саркофагов и стел, схематически изображающих храм в миниатюре (в Ольвии они известны с архаики до римского времени). Тем не менее процесс героизации во всех типах надгробных памятников отражают не надписи, а изобразительные средства.

Это справедливо и для эллинизма, с IV в. до н.э. по II в. н.э., когда «в Ольвии процветает апофеоз смерти — героизация умерших». Надгробные скульптуры и стелы, в которых широко представлен сюжет загробной трапезы, дополняются наисками и циппи, которые также связывают с героизацией умерших. Но надписи прямо об этом не говорят, хотя и приобретают иной характер. Эпитафии становятся лиричнее, отражают больший интерес к человеку, нежели надписи предыдущего времени. «О, Эпикрат, Исократ дитя!/Над могилою стела/Памятник это/Хотя рано в могилу тебе» [Папанова 2006: 143]. Как и в большинстве регионов ойкумены, эти тра-

диции получают развитие в римское время. Обращает на себя внимание надпись, относящаяся ко II в. н. э. Эпитафия посвящена Мойродору и сохранилась на постаменте для статуи, к сожалению, не сохранившейся. Она гласит: «Эта могила, о странник, заключает в себе покойника, дошедшего до обычного всем предела жизни. Его родиной был скифский город Ольвия, а имя у смертных — сложенное из слов судьба и дар. Это был маститый старец, который, уходя в назначенный роком дом Аида, оставил в живых двоих детей. Его, одинаково желанного людям и бессмертным, пошли в жилище благочестивых» [Папанова 2006: 131]. Эта замечательная во многих отношениях надпись важна для нас в первую очередь как отражение представлений о необратимой судьбе, назначенном каждому «пределе жизни» и об особенной посмертной участи достойных людей: несмотря на то, что человек отправляется в «дом Аида», он заслуживает того, чтобы присоединиться к благочестивым (С. Э. Андреева дает перевод «блаженным»). Также распространена формула посвящения надгробия «Богам Манам», которую использовали римские солдаты, находившиеся в Ольвии [Папанова 2006: 139]. Это всё традиции, находящие аналогии во многих других регионах античного мира.

Абсолютное большинство стихотворных эпитафий происходит из боспорских городов. Они отличаются особенной лиричностью и поэтичностью. В литературе неоднократно отмечался тот факт, что в стихотворных надписях присутствуют разнообразные литературные приемы, свойственные лучшим образцам античной поэзии. Вместе с тем боспорские эпитафии отражают и индивидуальный характер их составителей, поэтому служат прекрасным источником для изучения духовной и общественной жизни боспорян. Как же в них отражаются представления боспорских граждан о смерти?

Из эпитафий классического времени известны краткие надписи. Они либо указывают только имя и отчество погребенного, либо содержат еще и дополнительные сведения: происхождение, возраст или обстоятельства смерти усопшего («Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон» [КБН: 114]).

В эллинистическое время повсеместной на Боспоре становится героизация умерших. Об этом свидетельствуют формы саркофагов, курганы, стелы с рельефными изображениями сцен прощания, ритуальной трапезы и героизированного всадника [Диатроптов 2001: 59–60]. Надписи же отражают скорбь близких об ушедшем, мотив героизации в них звучит редко. Вместе с тем эпитафии ста-

новятся подчеркнута лиричными, пространными, в них отражается глубокий интерес не только к обстоятельствам смерти, но и личности умершего.

Вопрос о том, что случится с человеком после смерти, непосредственно затрагивается только в некоторых надписях, которые являются уникальными по ряду причин. В одной из них прямо говорится, что умерший отправляется в Аид: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышащего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело — могила» [КБН: 117]. Образцом литературного творчества на Боспоре по праву считается эпитафия Феофилы: «Феофила, дочь Гекатея, прощай. Ко мне, Феофиле, дочери Гекатея, недолговечной деве, сватались юноши. Но их предупредил похитивший меня Аид, узрев во мне Персефону — прекраснее Персефоны. И оплакивает вырезанная на могильном камне надпись девушку Феофилу, синопеянку, свадебные факелы которой отец ее Гекатей приготовил не для брака, а для Аида. Не брачные узы владеют тобой, дева Феофила, а то место, откуда не бывает возврата: ты уже не невеста Менофила, а соучастница Коры по ложу. А у твоего отца Гекатея осталось одно лишь имя погибшей, образ твой он видит в камне, несбыточные же его надежды нечестивая похоронила Мойра. Тебя, Феофилу, на долю которой выпала завидная среди людей красота, тебя, десятую музу Хариту, созревшую к браку, образец стыдливости, не руками темными обнял Аид, а Плутон лампадой зажег для тебя брачные свечи, приняв тебя в свадебный свой чертог возлюбленной супругой. Прекратите, родители, плач, остановите свои стенания: Феофила получила в удел ложе бессмертного» [КБН: 141]. Наряду с традиционным для всей Эллады выражением скорби из-за того, что девушка умерла до брака, автор высказывает мысль о завидной участи умершей — стать Персефоновой и даже лучше Персефоны, то есть, достигнуть бессмертия среди героев и богов [Доватур 1992: 20]. Эпитафия Феофилы — это, пожалуй, самое яркое свидетельство героизации умерших в надписях Северного Причерноморья (и не столько в мифологическом, сколько в художественном отношении). Мотив героизации отражается и в других надписях. Описывая кончину Менодора, сына Аполлония, выходца из Синопы, погибшего в Боспорской земле, «изрубив много кровавых вражьих доспехов», автор эпитафии желает покойному «жить в священном доме благочестивых», что, безусловно, является хорошей посмертной участью [КБН: 131]. Другая надпись воспроизводит мотив героизации в том смысле, что умершие могут повлиять на судьбу своих род-

ных, устанавливавших им памятники и должным образом заботящихся о них (это, по-видимому, и служило одной из причин героизации умерших): «Если что-либо значат молитвы родителей из Аида, то получишь ты, Антипатр, такую же благодарность от детей» [КБН: 132].

Нельзя обойти вниманием и эпитафию Гекатея: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, сам познав священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий» [КБН: 121]. Необычность надписи привлекла исследователей вскоре после ее издания. Ю. Ю. Марти считал, что надпись свидетельствует о совершении Гекатеем самоубийства [Панченко 1992: 31]. Можно прийти к выводу, что эпитафия представляет взгляды орфиков, согласно которым душа вынуждена следовать по кругу перерождений. И поскольку Гекатей был посвященным в таинства орфиков, он из этого мучительного круга вырвался. Тем не менее, Д. В. Панченко сумел доказать неосновательность такого предположения: «круг страданий» — это не обязательно круг перерождений, уже во времена Аристотеля вошло в поговорку выражение «дела людские называют круговоротом», а формула «сам познав священные решения» указывает на философа-самоучку, а не на посвященного [Панченко 1992: 29]. Таким образом, в Гекатее можно видеть философа, достигшего истинной мудрости, а для мудреца смерть кажется освобождением. О том же, что ждет Гекатея после смерти, автор надгробной надписи не говорит.

В эпитафиях римского времени наиболее часто отражается мотив беседы умершего с прохожим, указание имен тех, кто поставил памятник. О героизации умерших свидетельствует стела, найденная на Тамани: «Тимофей, сын Дасея, прощай. Тимофей, праведный муж своей отчизны, сын Дасея, ты умер, завершив три десятка лет. О несчастный, я скорблю над тобой у твоей многооплаканной могилы; теперь, скончавшись, да пребываешь ты вместе с героями» [КБН: 1057].

Специфическими для всего Северного Причерноморья являются памятники Херсонеса. Этот полис был основан позднее Ольвии и крупных городов Боспора, кроме того, он является единственным дорийским полисом в данном регионе. Колонисты с самого начала взаимодействовали с окружающими варварами совершенно иначе, чем жители соседних греческих центров. Все эти факторы накладывали определенный отпечаток на традиции Херсонеса, в том числе и погребальные. В то время, когда на Боспо-

ре и в Ольвии обычным становится изображать на надгробиях героизированного умершего и свидетельствовать в эпитафии о глубокой скорби его родных, в Херсонесе распространяется несколько типов надгробных стел, на которых нельзя встретить подобных мотивов. Эллинистические памятники Херсонеса содержат скупые надписи, указывающие только имя и отчество погребенного, и изображения, на которых перед нами предстает не образ почившего, а его половозрастные атрибуты: на женском надгробии рельефно или только красками изображались тэния и алабастр; на памятнике, поставленном человеку, погибшему в юности, — стригиль и арибалл; стела, воздвигнутая зрелому мужчине, украшалась изображением меча и портупей; если погребенный умер в преклонных годах — сучковатого посоха. Герой не взирает на нас со своего надгробия и не жалуетсь на безвременную кончину в стихах эпитафии. При этом остальные черты погребального обряда указывают на героизацию умерших: это и оформление стел в виде миниатюрных копий храма, и распространение саркофагов, наисков, антропоморфных надгробий. Но портрет самого человека на его надгробии в IV — III вв. до н. э. не представляется херсонесским мастерам необходимым. Видимо, более важными являлись его общественные функции — материнство, защита родины (или подготовка к ней, или неспособность быть воином в силу возраста). Эта функция и указывалась на памятнике. Скорее всего, такая яркая черта херсонесских надгробий связана с дорийским характером полиса. В условиях постоянной военной угрозы личность гражданина в глазах современников, вероятно, была менее значима, чем его социальная роль. Такое предположение подтверждается сведениями об отношениях херсонеситов со скифами, бывшими постоянными врагами полиса [Стржелецкий 1969: 9–15]. И если учесть, что херсонесские памятники, с одной стороны, свидетельствуют о героизации умерших, а с другой стороны, не содержат указаний на индивидуальные черты умершего, то можно предположить, что внутри семьи складывалась традиция почитания героизированных родственников, но, поскольку памятник ставился над захоронением и для всеобщего обозрения, на нем изображались только атрибуты умершего и писалось только его имя. Если семья потеряла близкого человека, то полис потерял в первую очередь воина, мать будущих воинов, мудрого старца. Эту догадку подтверждает и тот факт, что единственным исключением для херсонесских надгробий эллинистического времени является над-

пись на стеле иностранца: «Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду/Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес». Изображение на стеле также нетипичное — представлена сцена прощания отца и сына [Картер 2006: 59]. О том, какая судьба ждет человека за порогом смерти, ни в одном случае не сказано. Можно только предположительно говорить о том, что, устанавливая богатые памятники, напоминая храмы, херсонеситы надеялись на то, что почившие удостоятся пребывания вместе с богами и героями.

Так же, как и обычай заменять портрет умершего изображением его атрибутов, традиция лаконичных надписей на погребениях бытовала только до римского времени. Позднее херсонесские стелы украшают стихотворные эпитафии, не менее эмоциональные, чем боспорские. Например, широко известная эпитафия на стеле Ксанфа, датируемая первыми веками н. э.:

«Ксанф, сын Лагорина, прощай!
Странник, скрываю собою я Ксанфа, который
Был утешеньем отца,
Родины юной красой,
Сведущим в таинстве Муз, безупречным средь сонма сограждан,
Чтимый средь юношей всех, светлой звездой красоты.
В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,
Сирым родителям слез горький оставивши дар.
О, если больше Плутому, чем вам достаются на радость
Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?»
[Соломоник 1996: 26]

В херсонесских эпитафиях римского времени обращают на себя внимание следующие черты: мотив разговора умершего с прохожим, жалоба на несвоевременность и трагические обстоятельства смерти, распространяющаяся римская формула «Богам Манам». Все это представляет совершенно разное отношение к смерти и посмертию: от молчания о загробном мире до уверенности в том, что духи умерших могут помогать или вредить живым. Э.И. Соломоник отметила, что некоторые надгробия римского времени свидетельствуют об увлечении херсонеситов астрологией, в частности, учением о том, что звезды определяют срок жизни, а душа человека после смерти обитает на Луне и других светилах. На распространение подобных взглядов указывает выражение «исполнив срок жизни», встречающееся в некоторых надписях, а также изображение трех звезд на надгробии Парфенокла [Соломоник 1973: 91].

Таким образом, эпитафии отражали изменение взглядов на посмертную участь в античном обществе, в том числе и в городах Северного Причерноморья. Наиболее важным изменением стала героизация умерших, существовавшая с эллинистического времени вплоть до широкого распространения христианства в IV–V вв. Именно героизация умерших способствовала иному восприятию посмертия, предполагая для души умершего достойную и даже желанную участь.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.-Л., 1949.
Гомер. Одиссея. — М., 1984.
Даниленко В. Н. Надгробные стелы // СХМ IV. — Севастополь, 1969: 29–44.
Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. — М., 2001.
Доватур А. И. Проводы Феофилы (СIRB 130) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. — СПб., 1992: 11–27.
Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. — Л., 1990.
Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. — Пг., 1918.
Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. — Пг., 1922.
Картер Дж. Надгробия Херсонеса: Исследования и консервация. — Севастополь, 2006.
Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА № 2. — 1977: 87–99.
Корпус боспорских надписей. — М.-Л., 1965.
Мордовцева Т. В. Идея смерти в культурно-философской ретроспективе. — Таганрог, 2001.
Надписи Ольвии. — Л., 1968.
Панченко Д. В. Эпитафия Гекатея (СIRB 121): Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. — СПб., 1992: 28–42.
Папанова В. А. Урочище Сто могил — некрополь Ольвии Понтийской. — К., 2006.
Платон. Собрание сочинений. — М., 1994. — Т. 3.
Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. — Киев, 2005.
Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ № 1. — 1978: 87–104.
Свенцицкая И. С. «Памяти ради»: Эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ № 4. — 2003: 101–110.

Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. — М., 1983.

Соломоник Э. И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. — К., 1973.

Соломоник Э. И. «Ксанф, сын Лагорина, прощай!»: Поэзия античного Крыма // *Крымский альбом: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах*. Вып. 1. — Феодосия-Коктебель, 1996: 25–31.

Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // *СХМ IV*. — Севастополь, 1969: 7–29.

Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. — Харьков, 2004.

Ю. Т. Лейбенсон

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ
В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(по материалам эпитафических памятников)**

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу отражения в эпитафиях античных городов Северного Причерноморья взглядов на посмертную участь человека. Известно, что восприятие загробного существования постепенно менялось: от пессимистического взгляда в архаический и частично классический периоды до обычаев, связанных с массовой героизацией умерших в эллинистическое время. В Северном Причерноморье все эти общегреческие процессы находят отражение в разных типах

памятников, в том числе в эпитафиях. Эпитафии свидетельствуют не только о полисных традициях, но и об индивидуальных взглядах авторов, поэтому они должны рассматриваться в комплексе с другими чертами погребальной традиции. Интересным представляется отличие эпитафий Херсонеса от эпитафий Ольвии и городов Боспора и распространение разнообразных учений о посмертном существовании души в римское время, также отраженных в надгробных надписях.

Ю. Т. Лейбенсон

**ЕВОЛЮЦІЯ ПОГЛЯДІВ НА ПОСМЕРТНУ ДОЛЮ
В АНТИЧНИХ ДЕРЖАВАХ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я
(за матеріалами епіграфічних пам'яток)**

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу відображення в епітафіях античних міст Північного Причорномор'я поглядів на посмертну долю людини. Відомо, що сприйняття загробного існування поступово змінювалося: від песимістичного погляду в архаїчний і частково класичний періоди до звичаїв, пов'язаних з масовою героїзацією померлих в еллінізмі. У Північному Причорномор'ї всі ці загальногрецькі процеси знаходять відображення в різних типах пам'яток, в тому

числі, епітафіях. Епітафії свідчать не тільки про полісні традиції, але і про індивідуальні погляди авторів, тому повинні розглядатися в комплексі з іншими рисами похоронної традиції. Цікавим видається відмінність епітафій Херсонеса від епітафій Ольвії та міст Боспору та поширення різноманітних вчень про посмертне існування душі в римський час, які також відображені в надгробних написах.

J. Leybenson

**THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE POSTMORTAL FATE
IN THE ANCIENT STATES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION
(based on the epigraphic sources)**

SUMMARY

This article analyzes the reflection in the epitaphs of ancient cities in the Northern Black Sea Region views in the postmortal fate of man. It is known that the perception of existence beyond the grave gradually changed from a pessimistic view of the archaic and classical periods to the customs associated with the glorification of mass deaths in Hellenistic times. In the northern Black Sea region, all these common processes are reflected in different types

of sources, including epitaphs. Epitaphs testify not only about the state traditions, but also about the individual views of the authors, therefore, should be considered in conjunction with other features of the burial tradition. Of interest is the difference between epitaphs from the Chersonesus and Olbia cities of the Bosphorus and the dissemination of a variety of exercises on post-mortem existence of the soul in Roman times, as reflected in the tombstone inscriptions.